

ния эпизодов игр на Ипподроме и эпизодов охоты, изображенных иногда среди деревьев, которые так же мало связаны с ареной, как и дерево со зверьком на киевской фреске.

Само собой разумеется, что сцена единоборства между атлетом и фигурой в маске,⁶ изображающей волка, принадлежит непосредственно циклу Ипподрома и цирка, в иконографии которых они засвидетельствованы издавна. Менее очевидна, за отсутствием аналогий, но более чем вероятна зависимость от какого-то византийского источника группы актеров, выступающих в процессии один перед другим, с различными неясными предметами в руках.⁷ Недостаточно оценено историками театра изображение театральной сцены и занавеса: тогда как кто-то его оттягивает справа, слева к нему приближаются два актера, из которых один в колпаке паяца.⁸ Это замечательное изображение стоит одиноко в искусстве XI в., будь то в Византии, в России, на Западе или в странах халифата. Отклик какого театрального искусства хранит в себе эта фреска? Если исключить колпак паяца, изображаемые на ней актеры носят те же костюмы, что и представленные рядом атлеты, — костюмы псевдоготов, которые ведут эти игры (реалистические тенденции этих изображений, связанные с византийской иконографической традицией, доказываются описанием соответствующих игр на Ипподроме в Константинополе). Из этого скорее всего следует, что и изображение сцены театра восходит к византийской иконографической традиции. Но остается неясным, почему другие изображения византийских игр не включают такой же «театральной» сцены? Н. П. Кондаков когда-то вспоминал в связи с этой сценой украинские колядки с их представлениями и сбором рождественских подаваний. Сравнение закономерно, но, конечно, не может заменить современным фрескам неопровержимые археологические или письменные свидетельства, которых нет.

Особняком стоят также две сцены с изображениями лошадей. На одной из них всадник в короне, которую окружает нимб,⁹ Это сияние вокруг головы — иконографический признак императора. Сцена могла изображать торжественный въезд императора в столицу, скорее всего после победы. Не исключена возможность, что киевские художники могли отметить императорским нимбом портрет киевского князя (хотя мне не известны такого рода «вольности» русских или других художников в странах византийского культурного круга). Но если бы даже всадник в нимбе и был киевским князем, то присутствие нимба означает знакомство с византийской монархической иконографией. Вторая сцена с лошадьми уникальна.¹⁰ В ней изображены бегущая неоседланная лошадь, за которой гонятся несколько всадников. Каков сюжет этой картины? Жанровая сцена из жизни степных наездников? Или какое-то состязание? Насколько я знаю, эта сцена не входит в византийские светские циклы, и поэтому не исключена возможность какой-то местной инициативы. Заметим, однако, что иллюстрации книги Оппиана об охоте, бывшие популярными в Византии (лучшая копия XI в. находится в венецианской библиотеке Марциана), дают несколько изображений лошадей, вольно пасущихся или передвигающихся среди лугов, и табунов с наездниками. Но, конечно, это сравнение не вполне удовлетворительно, потому что речь идет об иллюстрациях к руководу по охоте, а не об изображении, введенном в цикл светско-дворянских сюжетов.

⁶ Там же, рис. 138.

⁷ Там же, рис. 139, 140.

⁸ Там же, рис. 137.

⁹ Там же, рис. 141.

¹⁰ Древности Российского государства. Киевский Софийский собор, табл. 53, № 8.